

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Пираты и мнимые короли малагасийского северо-востока

Очень трудно оставаться объективным по отношению к пиратам. Большинство историков даже и не пытаются. Литература о пиратстве семнадцатого столетия по большей части содержит или романтические восторги – в популярной версии, или ученые споры о том, следует ли рассматривать пиратов как протореволюционеров или как обычных убийц, насильников и воров [17]. Мне не хотелось бы сейчас ввязываться в этот спор. Так или иначе, пираты были разные. Иные из тех, кто остался в памяти в числе пиратских капитанов, на самом деле были благородными флибустьерами, каперами, официальными или неофициальными агентами того или иного европейского режима; другие могли быть самыми простыми преступниками – нигилистами; однако многие внесли свой вклад, пусть скромный, в становлении своеобразной протестной культуры и цивилизации, во многих смыслах безусловно жестокой, в рамках которой вырабатывался свой моральный код и свои демократические институты. Быть может, лучшее из всего, что о них можно было бы сказать, так это то, что по стандартам своего времени жестокость их отнюдь не беспримерна, между тем как их демократические опыты почти беспрецедентны.

Именно эта последняя группа – как раз этот вид пиратов наиболее высоко ценят радикальные историки – судя по всему, имеет также самое непосредственное отношение к тому, что происходило в семнадцатом и восемнадцатом столетиях на Мадагаскаре.

Небольшой экскурс в историю тут не помешает.

На ранних этапах пиратами редко становились вышедшие из-под контроля каперы, в большинстве же случаев пиратские команды рождались в бунтах. В порядках на борту европейского корабля семнадцатого века царили произвол и жестокость, так что у команды слишком часто были достойные поводы для мятежей; однако закон на суше был просто беспощаден. Поднявшие мятеж знали, что подписали свой смертный приговор. Стать пиратом означало – принять эту участь. Команда бунтовщиков словно объявляла войну «против всего мира» и поднимала «Веселый Роджер». Пиратский флаг, который существовал в многочисленных вариациях, уже сам по себе был красноречив. Обычно его считали изображением дьявола, однако кроме черепа или скелета на флаге часто помещали

песочные часы, обозначающие не столько угрозу («ты умрешь»), сколько однозначное заявление о неповиновении («мы все умрем, это лишь вопрос времени»), из-за чего командам, разглядевшим подобный флаг на горизонте, надо полагать, он казался еще более устрашающим. Развевающийся «Веселый Роджер» был способом показать, что команда согласна с тем, что ее ожидает ад.

Возможно, стоит на мгновение задуматься о том, насколько серьезно эта форма неповиновения – не просто закону, но Самому Богу – воспринималась в мире Северной Атлантики семнадцатого века. Заключить сделку с дьяволом не было обычным делом. В нравах, царящих в то время на море, грабеж, насилие и жестокость были в порядке вещей; совсем иное дело было кощунство и систематическое отрицание религии. Между тем, речь матроса, как тогда, так и сейчас, славилась особой выразительностью, среди пиратов она превратилась в настоящую идеологию. Ад словно постоянно манил их. Разумеется, сторонние наблюдатели неизменно подчеркивали это. Вот как начинается рассказ Клементы Даунинга о пирате по имени Джон Плантейн:

Родился Джон Плантейн в Шоколадной Дыре на Ямайке, в семье англичан, которые озаботились с младых ногтей обучить сына всему лучшему, что умели сами, а именно браниться, клясться и богохульствовать [18].

Даунинг, сам моряк, с ужасом рассказывает о том, как членов его команды во время экспедиции против пиратов поселяне-малагасийцы приветствовали громкими криками: «Черт тебя подери, Джон! Моя тебя любить!» Английский эти туземцы выучили у пиратов [19].

Плантейн сам впоследствии обосновался на некоторое время на Мадагаскаре, где стал известен как «король бухты Рантер». Ученых долгое время интриговало это название. Между тем, топоним Ranter Bay представляется попросту переименованным на английский лад малагасийским Рантабе («Большой пляж») и едва ли каким-то образом связан с рантерами – радикальным движением пролетариев-антиномистов, которые еще за два поколения до того открыто проповедовали отказ от частной собственности и существующей морали в сфере половых отношений. (Законы о богохульстве в Англии были приняты главным образом с расчетом справиться с рантерами.) Хотя исторические свидетельства того, что идеи рантеров имели непосредственное влияние на буканьеров, неизвестны [20], как минимум это говорит об ассоциациях, которые вызывало это название у современников. То были мужчины (а пираты Индийского океана были почти исключительно мужчинами), обитавшие в царстве смерти, которых из-за их приверженности к извращенной привычке демонизации самих себя законопослушные считали повязанными с дьяволом, если не самими демонами.

На Мадагаскаре появляются пираты

Буканьеры той эпохи, что неофициально называют золотым веком морского разбоя, впервые появились в Атлантике, где охотились за транспортными судами, следующими из Нового Света: перевозящими остатки старых испанских сокровищ и новые богатства с плантаций Вест-Индии. Постепенно многие из них узнали, что Индийский океан, воды которого

бороздят европейские и азиатские торговые суда, груженные специями, шелком и благородными металлами, обеспечивает добычу куда богаче. Особенно соблазнительный куш можно было сорвать в Красном море, ограбив мусульман, направляющихся из Индии и других далеких стран в паломничество в Мекку. Мадагаскар был идеальной базой для таких набегов, поскольку располагался в некоей легальной серой зоне: остров не был ни в компетенции британской Королевской африканской компании, промышлявшей работоторговлей в Атлантике, ни в юрисдикции Ост-Индской компании. Между тем как на западном и отчасти на южном побережье острова раскинулись могущественные королевства, северо-восток был свободен и изобилдовал природными гаванями, в которых впоследствии выросли портовые города Фенериве, Таматаве, Фульпуэнт и Сент-Мари.

Сент-Мари – название, которое европейские торговцы дали собственно острову, расположенному к югу от бухты Антунгилы, который с 1650-х годов сделался местом притяжения, как для мореплавателей, так и для грабителей. Малагасийцы называют его Нуси-Бураха. Остров примечателен солидным запасом воды и хорошо защищенной бухтой. После 1691 года бухта печально известна как место расположения базы пиратов, где были построены крепость, ремонтный док и рынок вкуче с небольшим городком, население которого в зависимости от сезона могло колебаться от нескольких десятков до доброй тысячи активных и бывших флибустьеров, беглых всякого рода вкуче с их малагасийскими хозяйками, союзниками, торговцами и прихлебателями.

Основателем города Сент-Мари был человек по имени Адам Болдридж, в прошлом сам пират. На Ямайке он был объявлен в розыск за убийство, а здесь получил место коммерческого агента у чрезвычайно успешного, но скандально беспринципного торговца из Нью-Йорка Фредерика Филлипса. Филлипсу были знакомы эти края: в конце 1680-х годов он отправлял на остров суда для закупки рабов, что давало ему теперь право утверждать, будто он основал форт для «легитимной» торговли (рабами), в то время как на деле форт служил в основном для того, чтобы снабжать всем необходимым буканьеров и помогать им избавляться от добычи. В течение некоторого времени это обеспечивало активную торговлю между Сент-Мари и Нью-Йорком. Следуя по Пиратскому кругу с Карибских островов в Индийский океан, корабли неизбежно совершали стоянку в Сент-Мари, нередко с тем, чтобы килевать судно, пополнить запасы продовольствия и оружия, а на обратном пути в случае удачного набега здесь же избавиться от добычи. Некоторые члены экипажей, желающие передохнуть от морских путешествий или готовые рискнуть вернуться домой инкогнито, сходили здесь на берег ненадолго, иные оставались навсегда.

В форте Болдридж был хозяином; он любил представляться «королем пиратов», хотя нет свидетельств того, чтобы кто-то другой называл его так, как нет сведений о том, что он был не просто первым среди равных. В городе, кажется, не было ни постоянной администрации, ни даже регулярного населения: для большинства он оставался местом временной передышки; тех же, кто намеревался оставаться здесь дольше, нередко сражали тропические болезни, усугубленные алкоголем и иными излишествами; наконец, те, кому удавалось выжить, переселялись на материк. Со временем численность отставных пиратов выросла до нескольких тысяч, небольшими пиратскими поселениями было испещрено всё северо-восточное побережье.

Проблема трофеев

Значение Сент-Мари нелегко осознать, если не представить себе, что пираты, действовавшие в Красном море, нередко обладая огромными материальными ресурсами – звонкой монетой, золотом, драгоценными камнями, шелком и ситцами, слоновой костью, опиумом и прочими экзотическими товарами, – столь же часто испытывали немалые трудности с их сбытом. В 1690-х годах, как и сегодня, уже нельзя было прийти в лондонскую ювелирную лавку с увесистым мешком алмазов и выручить за них, положим, сотню тысяч фунтов наличными. Обладание столь огромными суммами, в особенности – человеком очевидно скромного происхождения, немедленно привлекло бы внимание преступных авторитетов. Чем крупнее была сумма, тем острее стояла проблема. Источники регулярно сообщают о том, что после раздела добычи в распоряжении членов такой-то пиратской команды оказалось целое богатство ценой в сто двадцать тысяч долларов, и затем прилежно подсчитывают, сколько миллионов это составило бы на сегодняшние деньги. Однако для пирата было практически невозможно превратить подобную сумму, скажем, в величественный особняк на побережье Корнуолла или на Кейп-Коде. Вероятно, можно было попробовать найти продажного колониального чиновника в Вест-Индии или на Реюньоне, который за львиную долю добычи предложил бы поселиться на острове; в противном же случае требовались изощренные схемы или подставные лица для того, чтобы получить возможность превратить в наличные хотя бы часть награбленного.

Пример Генри Эвери (он же Генри Эйвери, он же Бен Бриджмен, он же Долговязый Бен) – пирата, которому улыбнулась, возможно, самая крупная в истории добыча, в этом смысле поучителен. В мае 1694 года после мятежа команды каперского судна под названием «Карл» Эвери был избран капитаном [21]. Направляясь в Индийский океан, пираты присоединились к отряду, который атаковал караван хорошо вооруженных могольских судов, следовавших в Мекку; в результате продолжительной погони и сражения были захвачены два судна («Ганг-и-Савай» и «Фатех Мухаммед»), после чего грабителям удалось улизнуть с добычей, оцененной впоследствии (по данным из выставленной английским властям претензии могольского двора) в шестьсот тысяч фунтов. По одной популярной версии рассказа, Эвери первым среди всех смекнул, что украшавшие мебель на судне камни были вовсе не хрусталем, и пока команда гонялась за золотом и монетами, он вооружился стамеской и наковырял себе целый мешочек бриллиантов. Это почти наверняка легенда; в действительности, сокровища по справедливости разделили между всеми членами команды; однако сбыть их с рук оказалось неразрешимой проблемой. По-видимому, с предметами такой ценности Болдридж был не в состоянии им помочь. Поэтому кое-кто отправился на Реюньон, а захваченное судно было отбуксировано в Нассау, где, по слухам, с губернатором было можно договориться.

Проблема заключалась в том, что добыча была просто фантастической. Разъяренный Аурангзеб, обвиняя британское правительство в пособничестве, захватил представителей Ост-Индской компании в своей стране и угрожал их выслать; британское правительство официально клеймило Эвери «врагом рода человеческого» и объявило преступника в международный розыск – впервые в мировой истории. Некоторые члены команды Эвери рассеялись по североамериканским колониям, другие вернулись под вымышленными

именами в Ирландию. Кого-то задержали при попытке избавиться от товара, кто-то из их числа сдал товарищей; в конце концов были арестованы двадцать четыре человека, из которых шестерых в стремлении умиротворить могольские власти предали публичной казни. Судьба самого Эвери между тем осталась загадкой. Его не удалось обнаружить. Некоторые говорили, будто бы спустя недолгое время он скончался в своем убежище. Другие утверждали, что со временем он нашел способ перевести награбленное в наличные и доживал свой век в комфорте, кажется, где-то в тропиках; наконец, кто-то еще рассказывал, будто мало-помалу его подчистую обобрали бристоольские ювелиры, знавшие наверняка, что человек в розыске не пойдет в суд, что бы с ним ни делали, и будто бы спустя много лет он помер нищим где-то в прибрежных трущобах, так что после его кончины ему не на что было даже купить гроб.

И всё же большим упрощением был бы вывод, что международная печальная слава Эвери – просто пустой звук. Легенды, которые вскоре окружили его, давали впоследствии возможность любому пирату и, возможно, самому Эвери (ведь мы не знаем, что с ним на деле случилось) вести переговоры с существующими органами власти с более выгодной позиции представителей некоего пиратского королевства. Упорно говорили, чаще с легкой руки самих пиратов из Сент-Мари, что Эвери всё еще на Мадагаскаре, что в действительности он бежал-таки с дочерью Великого Могола, которая после того, как «Ганг-и-Савай» был захвачен, влюбилась в дерзкого буканьера, и что вместе они основали на Мадагаскаре новое королевство. Кто-то уточнял, что Эвери с невестой-княжной правит островом из неприступной цитадели или что он руководит утопическим демократическим экспериментом, в рамках которого у пиратов всё имущество общее. (Из этих рассказов и вышла повесть о Либерталии.) Весьма скоро посланники воображаемого пиратского государства объявились при дворах по всей Европе, яркими красками расписывая новую процветающую державу, доминирующую на юго-западе Индийского океана, с тысячами подданных пиратов и конфедератами из всех наций, с огромным флотом боевых кораблей, которая искала новых союзников. До британского двора они добрались в 1707 году, французского и датского – в 1712 и 1714 соответственно. Мало чего добившись здесь, спустя несколько лет посланники нашли более внимательных собеседников в России, Османской империи и Швеции. Шведское правительство подписало предварительный договор и было готово даже отправить посла, пока не вышел наружу обман; основать русскую колонию на Мадагаскаре, заручившись поддержкой пиратов, предполагал Петр Великий [22].

Что говорить: сегодня нельзя установить, были ли эти «посланники» каким-либо образом связаны с настоящими пиратами или являли собой аферистов, действовавших на свой страх и риск. Так или иначе, рассказы их оставили глубокое впечатление в воображении европейцев. Одним из первых к теме нового государства пиратов обратился молодой Даниель Дефо. В 1707 году на страницах своей газеты, «Обозрения дел во Франции и остальной Европе» (Review), он поместил подробное описание королевства Эвери. Многие нации древности, замечал он, схожим образом были основаны разбойниками того или иного рода; если британское правительство не направит в должное русло отношения с новоявленной державой, последняя может сделаться гаванью для предприимчивых преступников со всего мира и прямой опасностью для империи. Впрочем, вскоре выяснилось, что всё это – чистая мистификация. Тем не менее художественные

произведения стали появляться одно за другим. Первой вышла небольшая книжка, озаглавленная «Жизнь и приключения капитана Джона Эвери, знаменитого английского пирата, ныне властителя Мадагаскара» некоего Адриана ван Брука. Десять лет спустя прояснить ситуацию попытался в книге «Король пиратов. Изложение знаменитых приключений капитана Эвери, мнимого короля Мадагаскара, с описанием его путешествий и пиратства, с разоблачением всех ранее опубликованных о нем вымыслов» (1720) сам Дефо. Могольская царица у него вырезана, а утопический эксперимент с течением времени терпит неудачу. Еще через пару лет, возможно, тот же Дефо под именем капитана Джонсона во «Всеобщей истории грабежей и убийств, совершенных пиратами» (1724) снова понижает рангом Эвери, изображая его мошенником-горемыкой, улизнувшим с горой бриллиантов, но умирающим в нищете, между тем как команда его на малагасийском материке терпит нужду и погружается в гоббсовский хаос; повесть о великом утопическом эксперименте (названным теперь Либерталией) Джонсон приписывает полностью выдуманному капитану Миссону.

Реальная экономика Сент-Мари

Подлинная история Сент-Мари может показаться прозаической, но это было настоящее пиратское поселение, где разбойники, промышлявшие на судах в Индийском океане, без труда могли найти убежище, встретить соотечественников, и даже (по крайней мере, в 1691–1699 годах) поменять часть своей добычи на некоторые удобства оседлой жизни. Несколько раз в году из Нью-Йорка приходили купеческие суда, груженные не только элем, вином, крепким алкоголем, порохом и оружием, но и товарами, необходимыми при такой жизни – сукном, зеркалами, посудой, молотками, книгами и швейными иглами. Возвращались они, заполненные отчасти награбленными пиратами сокровищами, отчасти же малагасийскими пленниками, которых на Манхэттене продавали в рабство.

По иронии судьбы, именно последняя, вполне законная, «легитимная» торговля Сент-Мари едва не послужила причиной гибели всех пиратов.

Работоторговля не была чем-то новеньким на Мадагаскаре. Арабские купцы наживались здесь на междоусобных войнах еще в Средние века. И всё же, в первые годы после появления европейцев в Индийском океане гавани Мадагаскара служили в меньшей степени местом закупки рабов, чем местом для пополнения запасов и переоснастки судов, курсирующих взад и вперед мимо мыса Доброй Надежды. В Европе постепенно сложилась репутация Мадагаскара как экзотического острова-рая; появились трактаты, восхвалявшие достоинства его почв и климата; французское правительство, как и британское, финансировали попытки основания здесь колоний поселенцев: в Форт-Дофине на юго-востоке (1643–1674) и бухте Сент-Огюстен на юго-западе (1644–1646) соответственно. Обе инициативы провалились. Аналогичным образом не состоялись попытки основать фактории в бухте Антунгила голландцев. На протяжении многих лет Мадагаскар принимал и привлекал торговцев, переселенцев и беженцев со всех концов региона Индийского океана – не только из Восточной Африки, но также с берегов Персидского залива, Цейлона, острова Суматра и других далеких земель; и лишь европейские колонисты почти всегда оказывались не в состоянии закрепиться здесь, что, собственно, составляет одну из главных загадок этого

периода истории [23].

До некоторой степени это объяснялось тем, что несостоявшиеся европейские колонисты часто оказывались вовлечены в работорговлю, то есть вступали в союзы с наиболее жестокими и нелюбимыми членами малагасийского общества – бандитами или теми, кто претендовал на статус князьков-воинов. Но это не дает исчерпывающего объяснения, поскольку многие арабские торговцы делали то же, и при этом определенно успешнее. Еще одна причина заключалась в том, что в представлении малагасийцев сложился код поведения иноземцев, следовать которому европейцы не желали или не могли. Несколько различные традиции в этом отношении сложились на западном и восточном побережьях. На западе в торговле доминировали купцы – арабы и суахили, которых звали анталаутра – «народ, живущий за морем»; анталаутра основали свои порты и поддерживали постоянную связь с родиной. Заключать браки они предпочитали в своей среде, но формировали тесные союзы с малагасийскими князьками, которых снабжали восхитительными предметами роскоши, а также оружием в обмен на тропические продукты и рабов. На восточном побережье сложилась совсем иная ситуация. Иноземцы здесь, судя по всему, были представлены по большей части политическими и религиозными беженцами со всех концов Индийского океана; они охотно заключали браки с местным населением и основывали новые элиты, новые правящие династии или аристократические роды, иногда становились жрецами, лекарями и мыслителями, а иногда – и тем, и другим, и третьим одновременно.

Колонисты-европейцы в шестнадцатом и семнадцатом столетиях не придерживались ни той, ни другой стратегии. Они не формировали изолированные анклав в союзе с малагасийскими правителями, но и заключать смешанные браки и полностью погружаться в сложные политические игры аристократии они также не желали. Европейские торговцы (особенно поначалу) были не в состоянии осыпать своих малагасийских союзников предметами восточной роскоши, которыми, по сути, и не располагали; они всё еще были по большей части незваными гостями на древнем рынке Индийского океана, и товары их родных стран не годились для даров королям. Единственным исключением было огнестрельное оружие, что лишь способствовало укреплению у малагасийцев представления о европейцах как о жестоких дикарях. Со временем сперва голландцам, позже французам и англичанам удалось потеснить анталаутра в роли покровителей правителей группы племен сакалава в «государствах» Буйна и Менабе, в основном через вторжение в существующие каналы торговли шелком, фарфором и предметами роскоши при поддержке превосходящей огневой мощи. Иначе говоря, на пиратов они не были похожи, и это впечатление определенно разделяли едва ли не все в регионе, для кого различия между пиратами, работорговцами, колонистами и «легитимными торговцами» представлялось экзотическими юридическими тонкостями, и решительно не влияло на то, чего следовало ожидать на деле от людей, прибывающих на европейских судах. Как отмечает аббат Рошон, европейские суда, проходящие мимо острова,

не раз разживались провизией силой, вторгаясь с неожиданным ожесточением, сжигая деревни или обрушивая на головы туземцев всю мощь своей артиллерии, если те не торопились удовлетворить потребности команды в скоте, домашней птице или рисе. Нетрудно понять, почему в результате подобных актов насилия один вид европейского судна становился для островитян предвестником террора и бедствия [24].

В то же самое время европейский расизм привел к тому, что те колонисты, которые пытались прибегнуть ко второй стратегии, оказывались не в состоянии интегрироваться в малагасийское общество вполне. Самый показательный анекдот в этом смысле касается судьбы французской колонии в Форт-Дофине. Ее правители в большинстве своем оказались достаточно благоразумны, чтобы взять в жены дочерей из местных влиятельных семей; жены-малагасийки, а очень скоро – и полноценные семьи были также у многих колонистов (которые почти все были мужчины). Однако с течением времени они оказались втянуты в местную политику, что провоцировало поведение, которое даже иные свидетели из французов описывали как «отвратительную жесткость» [25]. Вскоре местное население было настроено по отношению к ним решительно враждебно, так что малагасийская их родня сама уже нуждалась в защите. Но как только на сцене появились француженки, колонисты немедленно оставили эту родню – с самыми ужасными для них же последствиями.

Конец колонии наступил, когда в 1674 году в гавани потерпело крушение судно с молодыми женщинами, направлявшееся в Бурбон на Реюньоне. Женщины убедили губернатора разрешить им выходить замуж за колонистов; в свою очередь, малагасийские жены предали колонистов во власть местных воинов, в результате чего около сотни изменников были убиты во время брачных торжеств. Уцелевшие вскоре покинули остров, заклепав запальные отверстия пушек и подпалив склады [26].

С учетом этой печальной истории сказать, что пиратам удавалось лучше, чем предшествующим переселенцам из Европы, завоевывать признание у своих малагасийских соседей, пожалуй, значит – сказать не так уж много. Однако в то же время становится ясно, что пираты всё же имели некоторые преимущества перед своими соотечественниками. Прежде всего, в их распоряжении фактически были предметы восточной роскоши для умиротворения местных союзников, причем нередко в значительных количествах. Во-вторых, отвергнув столь решительно социальные и политические устои своей родины, они были готовы к полной интеграции. Спустя недолгое время иностранные наблюдатели отмечают, что малагасийские женщины в порту Сент-Мари «одеты в самые роскошные индийские материалы, расшитые золотом и серебром, носят золотые цепочки, браслеты и даже бриллианты немалой ценности» [27]. Болдридж сам женился на местной и, видимо, усыновил нескольких детей. Многие пираты, судя по всему, обосновались на острове, что называется, на века и сделались, по сути, малагасийцами – или, если быть точнее, приняли традиционную роль инородцев-полукровок, «внутренних иноземцев», как их можно было бы назвать, способных быть посредниками с пришлыми торговцами и хорошо известных в этой части побережья.

Однако путь к тому не всегда был гладким, и в этом смысле судьба самого Болдриджа показательна. Поскольку его торговые операции на Сент-Мари законны были по крайней мере лишь наполовину – в 1690-е годы, на протяжении почти всего десятилетия, законодательства, запрещающего торговать с изгоями, еще не было – он ощущал тот самый прессинг из пределов своей родины, что вдохновлял на самые отвратительные поступки ранних европейских торговцев. По его собственным позднейшим воспоминаниям, он основал на острове факторию и сделал ее убежищем для всех укрывающихся от непрерывных междоусобных столкновений, набегов и ответных вылазок, которыми особенно отличалась

жизнь на материке; после же, при поддержке спасенных им беженцев, он устраивал свои собственные набеги с целью захвата пленников, чтобы выменять на них плененных родственников его союзников. Между делом, разумеется, иных пленников продавали на торговые суда, регулярно прибывавшие сюда с Манхэттена. Как представляется, количество их никогда не было столь велико, чтобы удовлетворить Филлипса – там, в Нью-Йорке. Переписка Болдриджа с его патроном, часть которой сохранилась, обильно приправлена возмущенными упреками в скромном количестве и худом качестве тех рабов, которых ему удавалось поставлять.

Несмотря на бесконечные жалобы, в действительности в город поступало, судя по всему, немало рабов-малагасийцев. В пользу этого свидетельствует следующий факт: когда в 1741 году власти Нью-Йорка раскрыли в городе то, что посчитали сетью готовящихся восстание революционных ячеек, организованной по принципу языковой общности, то обнаружили, что наиболее заметная часть заговорщиков говорит на языках Западной Африки (фанти, папа и игбо), на ирландском и малагасийском [28].

Филлипс усилил давление на сотрудника, когда узнал о том, что на Маврикии и Реюньоне собираются завести сахарные плантации – готовый рынок поблизости. Не совсем ясно, что у него было на Болдриджа, но очевидно нечто серьезное, поскольку в 1697 году старого пирата удалось довести до акта самоубийственного предательства: он заманил несколько десятков своих малагасийских союзников, «мужчин, женщин и детей», на торговое судно и в цепях отправил их за океан [29]. Когда это стало известно, вожди местных кланов, по-видимому, решили, что их радушный прием употребили во зло, и спустя несколько месяцев предприняли общую атаку на порт Сент-Мари и пиратские поселения на материке. На Сент-Мари была разрушена крепость, трем десяткам или около того пиратов перерезали глотки: спастись в море удалось лишь горстке. Похоже, что на материке пиратам было легче отбиться от нападавших (которые, возможно, просто пытались донести предостережение): в некоторых случаях их действительно смогли предупредить, а по крайней мере в одном (речь идет, должно быть, о самом крупном портовом городе Амбонавула, позже Фульпуэнт) – малагасийские союзники даже были готовы их защищать [30].

Болдриджу повезло. Во время нападения туземцев он был в отъезде на Маврикии; проведая о том, что произошло, он немедленно отправился в Америку. Спустя шесть месяцев его сменил другой коммерческий агент, некто Эдвард Уолш; вскоре после того снова появились сообщения о процветающем городе на острове, приютившем сотни флибустьеров. Крепость всё же так и не была отстроена заново. Торговля рабами на острове Сент-Мари прекратилась. Но и торговля награбленным сильно затруднилась: всемирная слава Эвери, позже капитана Кидда (который также имел базу на Сент-Мари), со временем подвигла власти в Лондоне и Нью-Йорке на более решительные действия. Снабжение преступников объявили вне закона, была осуществлена в большей степени символическая карательная экспедиция (обнаружить пиратов тогда не удалось). К тому времени большинство пиратов проживало уже на материке, и отношения их с малагасийскими хозяевами, судя по всему, изменились [31].

Настоящая Либерталия I. Амбонавула

Итак, в 1697 году поселенцы-пираты чуть было не разделили судьбу всех предшествующих и несостоявшихся колонистов-европейцев на этом острове. Выжить поселенцам позволили лишь хорошие отношения с их малагасийскими соседями на материке. Перемены в отношении к работорговцам были особенно драматичными. Вместо того, чтобы участвовать в работорговле, пираты в итоге фактически обороняли от нее побережье напротив острова Сент-Мари, поскольку открытое нападение на суда работорговцев или завладение ими исподтишка (часто при потворстве команды, которая таким образом сама становилась вне закона) сделалось для них основным способом приобретения новых кораблей. Это обстоятельство, а также страх перед новыми мятежами, кажется, имели следствием серьезные перемены в отношении пиратов к конфликтам. В то время как люди вроде Болдриджа наживались на местных беспорядках (в ходе которых появлялись пленные) и славились умением их разжигать, пираты, согласно сведениям капитана Джонсона, постепенно осознали, что в их интересах вести себя противоположным образом.

Во «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств» главный герой этого периода (после мятежа) – человек по имени Натаниель Норт. Норт был жителем Бермудских островов, которого понудили вступить на службу в королевский военно-морской флот и который в 1698 году стал мятежником. В литературе его обычно изображают пиратом по обстоятельствам и необычайно справедливым. После ряда авантур и злоключений, как говорили, он оказался в команде захваченного индийского судна, имевшего на вооружении пятьдесят две пушки и переименованного в «Непокорность». Лишившись якоря у Форт-Дофина, корабль дрейфовал, пока на Рождество 1703 года не вошел в бухту, известную как Амбонавула. Похоже, это был какой-то значительный малагасийский город: существует несколько упоминаний у пиратов о нем как о месте стоянки судов, где закупали рис и другую провизию; некоторые пираты пытались там обосноваться, хотя впоследствии от этой идеи отказались [32]. Норт, кажется, решил попробовать еще разок. С ним всё еще был десяток с лишним членов прежнего экипажа индийского судна. Как-то ночью, когда судно осталось без присмотра, Норт намекнул, что настал, быть может, удачный момент забрать им свое судно и плыть домой. Так они и сделали. На другой день, когда люди Норты поняли, что произошло, он выбрал их за беспечность, после чего пираты благодушно смирились с потерей и решили подождать, пока закончатся рождественские праздники, чтобы потом уже разобраться, что тут можно придумать. Важно, что они приняли решение сохранить организацию своего коллектива и на суше и выбрали Норту «капитаном» поселения. Согласно Джонсону,

они старались сами облегчить существование, раз помощи не было ниоткуда; перетащив свое добро в другие пристанища неподалеку, они поселились там сами, прикупив скот и рабов, и жили добрососедским образом друг с другом пять лет; расчистили обширный участок земли и выращивали для пропитания ямс, картофель и всё такое прочее.

У туземцев, среди которых они поселились, часто бывали междоусобные ссоры и войны, но пираты вмешивались и старались примирить все противоречия; Норт нередко разрешал их споры, причем столь беспристрастно, и так строго следовал принципу справедливости распределения (ибо был, по общему мнению, человеком с замечательными природными качествами), что всегда отпускал даже ту сторону, на которую падала тень сомнения, удовлетворенной разумностью и справедливостью его решений.

В том, что говорится далее, бесспорно, много приукрашено и преувеличено, но нет ничего совсем уж невероятного. Приезжие иноземцы любого рода нередко сталкивались с просьбами выступить третейскими судьями в спорах местных жителей, а описание миролюбия пиратов подтверждается историческим фактом: как нередко отмечают наблюдатели, несмотря на то, что они всегда вооружены и часто пьяны, фактически они никогда не дерутся:

Сия склонность к миру, которую обнаруживали пираты, и пример безобидного образа жизни, который они являли – ибо старательно избегали любых ссор, и условились представлять все причины для взаимных жалоб, кои могли меж ними возникнуть, на закрытое слушание Норту и собранию двенадцати их сотоварищей – доставило им добрую славу у туземцев, прежде весьма предубежденных против белых людей. Мало того: в вопросе сохранения между собой гармонии были они настолько педантичны, что если только кто-то начинал говорить в гневном или сварливом тоне, это вызывало порицание всего общества, в особенности же если дело касалось кого-либо из местных жителей, хотя бы и раба; ибо они полагали, и весьма справедливо, что единство и согласие были единственным средством, гарантирующим их безопасность, поскольку люди, вечно готовые пойти друг на друга из-за малейшего повода войной, несомненно, не преминули бы воспользоваться любыми заметными им разногласиями среди белых, чтобы прирезать их при всяком удобном случае.

Иными словами, они не только зарекомендовали себя нейтральными посредниками в спорах среди местных жителей, но и старательно избегали любых проявлений злобы между собой, дабы малагасийцы не наживались на внутренних разногласиях белых людей так же, как люди вроде Болдриджа – на разногласиях туземцев. Далее автор (Джонсон, а скорее Даниель Дефо) пускается в подробности относительно сформированного у них импровизированного правительства.

Из-за каждой оплошности, которая вырастала в спор, и из-за каждого неучтывого выражения, случавшегося в их компании, они тут же прекращали разговор, при чем один из компании выливал на землю крепкие напитки, что оставались у них на столе, приговаривая, что, мол, не бывает раздора без потерь; и таким образом приносил алкоголь в жертву демону злобы, чтобы избежать большего несчастья. После того спорившие стороны под страхом изгнания из общества и высылки на другую часть острова вызывали на следующий день явиться на суд к капитану Норту; до того же времени им приказывали оставаться каждому в своем доме.

На другое утро обе стороны встречались в суде; всем белым велено было присутствовать. Капитан усаживал истца и ответчика рядом и объявлял, что пока виновная сторона не согласится с решением суда, а пострадавший не позабудет обиду, их обоих следует считать врагами общества, а не друзьями и сотоварищами. Далее на отдельных бумажках он переписывал имена всех присутствующих на собрании, скручивал бумажки и помещал их в шляпу, из которой, покачав ее, каждая сторона выбирала по шесть билетиков; по этим двенадцати вытянутым трубочкам, или билетикам, определяли имена помощников судьи, которые, наряду с капитаном, слушали и принимали по делу решение, вызывали и допрашивали свидетелей.

Всё это происходило в строгой тайне, чтобы никто из малагасийцев не догадался, что имела место ссора. На следующий же день, как говорится в этой истории, рассматривалось дело, результатом которого было неотвратимое наказание в виде штрафа в том или ином виде, фактически же это было перераспределением между пиратами их личных запасов.

Жертву дьяволу, вероятно, автор ввел ради эффекта, стараясь (как это он делает часто) привести своего буржуазного читателя к той мысли, что даже самые нечестивые преступники способны вести себя лучше, чем он сам. Но это вполне могло быть и точным, как мы увидим в дальнейшем в той же главе, описанием малагасийского ритуала [33].

В дальнейшем Джонсон повествует о том, что Амбонавула стала главной базой пиратов, навроде Сент-Мари, о том, как Норт и его люди заключали союзы с соседними малагасийскими «племенами», равно как с монархами на севере и на юге острова; как их вовлекали в разнообразные местные конфликты; как Норт женился и стал отцом троих детей-малагасийцев. После непродолжительного возвращения к грабежам в 1707 году Норт окончательно отошел от дел, но в конце концов (возможно, около 1712 года, точно это неизвестно) был убит в своей постели отрядом малагасийцев, мстящих за какие-то ранние обиды.

Почти все подробности эти известны нам лишь по «Всеобщей истории...» и другим популярным сочинениям того времени; поразительно мало существует работ специалистов по истории Мадагаскара о том, кем на самом деле могли быть различные упомянутые в тексте малагасийские партии и как согласовать эти события с общей историей острова. Не вполне ясно, где была Амбонавула; однако поскольку говорилось, что город располагался в тридцати милях к югу от Сент-Мари или около того, был крупным по размеру и с постоянным населением, то, скорее всего, это должен был быть или Фенуариву, или Фульпуэнт; Моле-Саваже [34] не без основания склоняется в пользу последнего. Нетрудно догадаться, что и новая роль пиратов, выступающих теперь по большей части посредниками-миротворцами, и сочетание их богатства и пышного великолепия с чувством социальной справедливости могли внести вклад в те утопические фантазии, которыми уже была овеяна фигура Эвери. Пиратов, следуя описанию Джонсона, соседи воспринимали как князьков. Однако в действительности они, кажется, усердно старались на суше переработать в приемлемые формы сложившиеся еще на борту корабля демократические институты. И, как мы убедимся, есть все основания полагать, что именно их пример оказал влияние на соседей-малагасийцев.

Опять мнимые короли: Джон Плантейн

Написать исчерпывающую работу о внедрении пиратов на Мадагаскар решительно невозможно. Источники скудны: в основном это что-то вроде рассказов, созданных в то время для широкой аудитории; есть еще горстка судебных документов, содержащих обычно лаконичные сведения о тех, кто позже был арестован за пиратство в Англии или Америке. Если существуют различные источники об одном и том же событии – как правило, они противоречат друг другу. Тексты, созданные в расчете на широкую аудиторию, часто откровенно предполагают сенсацию – однако это не означает, что они ложны: немало

подлинно сенсационных событий очевидно имело место. На удивление мало исследований проведено самими малагасийцами. Таким образом, всё, что у нас есть, – ряд крошечных окошек с видом на события исключительного масштаба.

И всё же правдивость основных событий не подлежит сомнению. Буканьеры продолжали следовать по Пиратскому кругу с заходом на Мадагаскар примерно до 1722 года, когда британские и французские власти начали серьезно бороться с морским разбоем. Кого-то это попросту не коснулось: одни отдыхали от трудов на Реюньоне, где губернатор за малую толику награбленного всегда был готов оказать пиратам снисхождение. Другие стали советниками королей сакалава, третьи – подручными Абрахама Самюэля, пирата, которого в результате каких-то местных махинаций временно возвели на трон бывшего королевства Матитана близ покинутого жителями французского поселения Форт-Дофин. Большая же часть тех, кто остался, предпочли поселиться на северо-востоке, основав, подобно Норту, свои поселения или осев в новых малагасийских семьях.

Некоторые из тех, кто основывал пиратские сообщества, объявляли себя королями и изъясляли грандиозные претензии, например – на верховную власть над целым островом, представляя своих супругов местными княжнами. Самый знаменитый из них сегодня – Джон Плантейн, «король бухты Рантер», жизнь которого подробнейшим образом описана агентом Ост-Индской компании Клементом Даунингом, автором книги «Краткая история индийских войн» (1737), где Мадагаскару посвящено исключительно пространное отступление. Даунинг познакомился с Плантейном в 1722 году. Тогда на морском берегу он предстал перед Даунингом в образе подлинного головореза – в простом грубом платье и с двумя заткнутыми за пояс пистолетами.

Плантейн, Джеймс Адер и Ганс Бурген, датчанин, имели в бухте Рантер весьма сильные укрепления; к тому же они владели в этих краях обширными землями. Плантейн был богаче остальных, он называл себя королем бухты Рантер, и туземцы охотно распевали в его честь гимны. Он привел в подданство многих жителей и, судя по всему, управлял ими самовластно, хотя воинам своим, к их вящему удовлетворению, платил весьма немало...

Дом Плантейна был построен настолько просторным, насколько позволяли условия самой местности; для отдыха и развлечения у него было великое множество жен и служанок, коих он держал в строгом повиновении; по английскому обычаю они звались у него Молл, Кейт, Сью или Пегг. Дамы эти носили драгоценные шелка, иные же и ожерелья с бриллиантами. Со своей территории он частенько приезжал на остров Сент-Мари, где начал восстанавливать части укреплений капитана Эвери [35].

Плантейн обосновался на Мадагаскаре именно в ту пору, когда здесь процветали легенды о Генри Эвери, а посланники вымышленного пиратского государства в поисках союзников объезжали европейские дворы. Отсюда упоминание об «укреплениях Эвери», которые, конечно, на деле были старой факторией Адама Болдриджа в бухте Сент-Мари, разрушенной во время мятежа в 1697 году. Плантейн, кажется, делал всё от него зависящее, чтобы поддержать легенду [36]. В то время как описание Даунинга внешне заслуживает доверия, едва ли не всё в его повествовании похоже на небылицы, рассчитанные на то, чтобы произвести впечатление на легковерных иноземцев. (Одной из

самых красочных деталей описания Даунинга являются хоры малагасийцев, распевających хвалебные гимны в честь своих завоевателей: «в конце же почти всякого стиха повторялся рефрен: „Плантейн, король бухты Рантер“; что, наряду с танцами, которые исполняли красивые туземцы, очевидно, изрядно тешило его самолюбие» [37]. Поскольку Даунинг малагасийского языка не знал, то мы, естественно, не можем судить, о чем на деле распевали туземцы.)

Упоминает Даунинг и о встрече с командующим малагасийскими войсками Плантейна – человеком, которого он называет «мулат Том» или просто «молодой капитан Эвери», ибо последний выдавал себя за сына самого легендарного пирата.

Этого мулата Тома так боялись, что люди, казалось, начинали трепетать при одном уже его появлении. Его не раз хотели сделать королем, но он ни за что не соглашался принять этот титул. Он был высокого роста, весьма ловок; лицо его было не лишено приятности... Волосы его, длинные и черные, как у малабаров или у индусов Бенгалии, убедили меня в том, что он и вправду мог быть сыном капитана Эвери, раз так походил на одну из плененных на мавританском судне индийских женщин, среди которых была и дочь Великого Могола. Это очень вероятно, ибо он говорил, что не помнил матери... покуда ему не сказали: когда его мать умерла, он был еще младенцем [38].

Опять же, поскольку в действительности Эвери не доставлял когда-либо на Мадагаскар индийских княжон, это может быть лишь чистой фантазией Даунинга; однако между тем становится ясно, что принимающие командора вволю повеселились, соревнуясь, кто сильнее произведет впечатление на наивного англичанина. Даунинг же аккуратно записывал всё, что ему говорили: как Плантейн ввязался в войну с королем сакалава Тоакафо («которого пираты звали Длинный Дик, или Дик-король») [39] после того, как ему было отказано в руке внучки короля; как это имело следствием сложную и тем более неправдоподобную череду кампаний, в ходе которых армия Плантейна маршировала взад и вперед через весь остров, левый фланг под шотландским флагом, а правый – под датским; как, наконец, после большого кровопролития, хитроумных уловок и ужасающих расправ они овладели портами Масселаж, Сент-Огюстен, Форт-Дофин и всеми населенными пунктами, расположенными между ними. Ныне Плантейн правил островом Мадагаскаром единовластно.

По сути, в конце своего повествования Даунинг, сильно противореча самому себе, отмечал, что после всех побед Плантейн всё же поселился с внучкой Дика-короля, названной в память об ее отце-англичанине Элеонорой Браун, – убежденной христианкой, которую он нежно любил, несмотря даже на то, что к моменту их брака она уже была беременна от другого мужчины. Вместо того, чтобы поставить её над всеми своими женами и служанками, он

передал ей управление всеми домашними делами, разжаловав некоторых из своих прежних жен... Он одарил ее самыми наилучшими драгоценными камнями и бриллиантами, которые имел, и назначил в услужение ей двадцать девочек-рабынь. Именно с ней хотелось быть господину Кристоферу Лайлу; однако за одну того попытку Плантейн уложил его на месте [40].

Завершается повесть свежими морскими сплетнями, собранными спустя несколько лет. Не требуется великого искусства читать между строк, чтобы представить, что должно было произойти. Объявив себя «великим королем Мадагаскара», Плантейн во множестве продавал военнопленных на проходящие британские суда, пока не осознал, что положение его стало столь же ненадежным, как некогда у Болдриджа, и (будучи, вероятно, предупрежден своим «генералом» Томом о том, что вскоре он может разделить и участь Болдриджа) вместе с супругой и детьми покинул бухту Рантер ради зеленых долин Индии.

Некоторые проблемы с хронологией

Самое замечательное в повести о Джоне Плантейне – дата, когда состоялась его встреча с Даунингом: 1722 год. Персонаж, которого он описывает как «мулата Тома» – ясное дело, Рацимилаху. Ведь Рацимилаху, на самом деле сын пирата-англичанина, для иноземцев был Томом Цимилаху, а то и просто Томом. Малагасийцев – детей пиратов называли «малата», производным от английского «мулат». Так что крайне маловероятно, чтобы «мулат Том» был кем-то другим. Но тогда то, что они с Плантейном рассказывали Даунингу, тем более – чистая выдумка, поскольку около 1722 года именно Рацимилаху, а не пират, был истинным королем северо-восточного берега.

Согласно изложению истории, общепринятому сегодня, период с 1712 по 1720 год на северо-востоке отмечен длительной чередой войн между армиями двух соперничающих союзов: бецимисарака под командованием Рацимилаху, и цикоа, или бетанимена, у которых главнокомандующим был Рамананау, установивший контроль над портами побережья [41]. Кульминацией этих войн была решительная победа бецимисарака. Если это справедливо, то когда Рацимилаху познакомился с Даунингом, он уже два года как был безраздельным правителем северо-восточного побережья, но отчего-то (вероятно, ради забавы) решил притвориться перед путешественником с Ямайки простым генералом.

Что же это за короли, которые притворяются простыми генералами?

Главный источник сведений о жизни Рацимилаху – повествование, написанное в 1806 году французом Николя Мейёром, труд которого был основан на интервью, взятых им у старых соратников короля тогда в Таматаве, в то время – столице королевства бецимисарака, в 1762–1767 годы [42]. Хотя жизнь Рацимилаху крайне романтизирована автором, само повествование весьма пространно, изобилует подробностями и, что вполне логично, легло в основу общепринятой школьной версии малагасийской истории той эпохи. Тем не менее эту общепринятую версию крайне трудно согласовать со свидетельствами современников вроде Даунинга.

Сами обстоятельства, которые привели Мейёра к его исследованию, хорошо иллюстрируют вывернутый наизнанку мир экстравагантных имперских притязаний, характерных для региона – характерных, впрочем, и столетие спустя. Француз Мейёр был работником и путешественником. Он вырос на Мадагаскаре и бегло говорил по-малагасийски. В то время, когда он проводил свое исследование о Рацимилаху, его нанял осведомителем некто Мориц Август, граф Бенёвский, польский аристократ, бежавший из острога в Сибири и

добравшийся до Франции, где ему удалось убедить Людовика XV поставить его во главе кампании по завоеванию Мадагаскара. Граф Бенёвский расположился в деревне (которую переименовал в Луивилль [43]) в Антунгильской бухте, неподалеку от Рантабе, и начал с запросов средств на свои завоевательные походы, которые регулярно документировал в письмах ко двору. Так, в сентябре 1774 года он докладывал, что при участии всего ста шестидесяти активных солдат ему удалось овладеть королевством из тридцати двух провинций, уплатившим дань в размере почти четырех миллионов франков и занимающим почти всю территорию острова [44]. Нет нужды объяснять, что доклады были чистой фантазией. Известные же нам свидетельства указывают на то, что в действительности Бенёвский был вовсе не польским графом, а жуликом-венгром; ассигнованиями, которые ему посылали из Франции, он расплачивался с местными крестьянами, чтобы те подыгрывали ему, когда он изображает из себя короля; в основном же он колесил по всему свету, выдавая себя за короля Мадагаскара. (В 1777 году, к примеру, в Париже он частенько встречался за шахматной доской с Бенджамином Франклином; в 1779 году побывал в Америке, где предлагал предоставить все ресурсы своего царства в распоряжение революции.)

Единственная проблема заключалась в том, что, поскольку Бенёвский фактически не имел ни малейшего представления, что на самом деле происходило на Мадагаскаре, время от времени он оказывался под подозрением у королевских властей. Как минимум одна комиссия была отправлена для расследования на месте, но «граф», судя по всему, употребил всё свое влияние, чтобы нейтрализовать ее результаты. Для того чтобы доклады его были более правдоподобны, Бенёвский и нанял Мейёра, в то время простого работоторговца, составлять подробные сводки о политической ситуации на острове [45]. Мейёр тщательно исполнял обязательства; сохранившиеся в большом количестве отчеты о его путешествиях содержат ценные исторические сведения о том времени. Таким образом, первые известные нам этнографические записи о Мадагаскаре фактически составлены шпионом с намерением помочь мошеннику убедительнее фабриковать отчеты о своих несуществующих подвигах. Нанятый Бенёвским, Мейёр был так очарован рассказом о происхождении союза бецимисарака и героической фигурой Рацимилаху, что, видимо, опросил всех живых свидетелей войн 1712–1720 годов, которых смог отыскать, в том числе некоторых близких соратников короля в молодые годы. Впоследствии Мейёра, который проживал в отставке на острове Реюньон, местный книжник Фробервилль приблизительно около 1806 года убедил изложить результаты его исследований в форме рукописи, озаглавленной «Histoire de Ratsimila-hoe Roi de Foule-pointe et des Bétsi-miçaracs» [46]. Рукопись на ста двадцати страницах огромного размера (изобилующих научными примечаниями самого Фробервиля) и зафиксировала историю жизни Рацимилаху.

Рукопись так и осталась неопубликованной; большинство ученых последние сто лет и около того опирались на краткое ее изложение [47]. И всё же Мейёровское изложение событий стало каноническим. По Мейёру, отец Рацимилаху Том попытался было отправить сына учиться в Англию, но парень скоро впал в тоску по родине и упросил, чтобы его забрали; тогда отец, снабдив его добрым запасом мушкетов и амуниции, предоставил ему возможность попытаться счастья самостоятельно. В те времена территория вокруг Фульпуэнта находилась во власти правителя-тирана Рамананау, лидера союза цикоа, имевшего базу на юге. Рацимилаху поднял восстание; из двадцати четырех глав рукописной

книги большая часть посвящена событиям последовавшей в результате войны, длившейся восемь лет и повлекшей гибель тысяч жертв. В продолжении военного конфликта Рацимилаху удалось (по восторженному утверждению Мейёра – благодаря в основном его личному гению и харизме) создать новое государственное образование, получившее название бецимисарака («множество неразобщенных»), который после окончательной победы в 1720 году объединил под единой властью весь северо-восток. На протяжении войны сам Рацимилаху был сперва избранным на известный срок верховным правителем, затем бессменным монархом с титулом Рамаруманумпу («Тот, кто командует многими»). Наконец, он объединил северо-восток страны под эгидой единой просвещенной монархии, женился на дочери короля сакалава (по имени Матави, то есть «Толстая»), произвел на свет наследника (названного Занахари, или «Творец») и после долгого и счастливого царствования скончался в 1750 году в возрасте пятидесяти шести лет.

Рацимилаху, по-видимому, единственный персонаж в этой комнате кривых зеркал, который на самом деле был королем. Более того, в годы его правления сотоварищам короля, этнической группе занамалата, удалось мало-помалу сделаться самоопределенным, самодостаточным аристократическим сословием, в каком-то качестве они оставались по крайней мере в течение последующего столетия. Во второй половине восемнадцатого столетия, однако, они погрязли в склоках, провоцируемых французскими работниками с плантаций на Маврикии и Реюньоне; преемники Рацимилаху (Занахари, 1750–1767, Иви, 1767–1791 и Закавула, 1791–1803) оказались не в состоянии управлять ситуацией, в результате чего «королевство» распалось. Историки сходятся во мнении, что эксперимент Рацимилаху в конечном счете провалился. По предположению одних [48], случилось это из-за того, что он не позаботился о надлежащей ритуальной форме, чтобы основать полноценную малагасийскую династию, подобно народу сакалава; по мнению других [49] – из-за огромного спроса на рабов на плантациях Маврикия и Реюньона, который во времена пиратов еще только формировался. Очень скоро подкупленные вожди стали фабриковать поводы для военных действий или даже нападали на свои собственные деревни, чтобы пленниками рассчитаться за долги с французскими работниками. В итоге королевство распалось на множество разрозненных, воюющих друг с другом режимов, без труда поглощенных войсками Радамы I в 1817 году. Таматаве сделался вторым городом королевства Имерина и воротами к столице, сохранив эту роль по сей день. Остальная часть территории бецимисарака вскоре приобрела характер, который сохраняла и в колониальный период: местности, где преобладали принадлежащие иностранцам плантации, с которых на мировой рынок поступали гвоздика, ваниль и кофе, перемежались здесь с тихими деревенскими захолустьями, жители которых славились тем, что сопротивлялись любой форме централизованной власти.

Всё это – стандартный набор фактов в книгах по малагасийской истории. Пиратам в них обычно уделяется одна глава, их детям – другая. К тому времени, когда начинается война Рацимилаху с Рамананау, инициатива, как принято считать, перешла к новому поколению. Однако стоит лишь внимательно присмотреться к простой хронологической канве событий (см. приложение), становится ясно, что общепринятая точка зрения просто не может быть верна.

Во-первых, если война за создание Конфедерации бецимисарака действительно продолжалась с 1712-го по 1720 год, как утверждает Мейёр (с чем согласились последующие историки), то пиратские поселения в Сент-Мари и Амбунавуде в это время должны были еще существовать. Во-вторых, весьма непросто представить себе, каким образом возможно приписать детям пиратов ведущую роль в создании союза в 1712 году; если самому Рацимилаху, как говорили, было тогда восемнадцать, то очевидно, что он был личностью исключительной; что же до прочих малата, то из них никто не мог быть старше двадцати одного года, подавляющее же большинство должны были быть детьми, которые в тех самых поселениях проживали вместе со своими родителями. К тому же в самом исследовании Мейёра в том, как разворачивались события, малата не отведено почти никакой роли.

Мы имеем дело с политическими институтами, основанными малагасийскими политическими деятелями, находящимися в тесном контакте с дееспособными пиратами. В работе Мейёра «белые» никогда не выступают как индивидуумы, личности, но остаются в лучшем случае неким призрачным фоном. На деле же они почти несомненно, по крайней мере опосредованно, были вовлечены в ход событий.

Наконец, наблюдатели-иностранцы того времени отчаянно запутывают клубок ролей Рацимилаху. Говорят, что свои освободительные войны он начал в 1712 году. Однако в самой середине периода войны, в 1715 году, голландские купцы сообщают о ком-то под тем же самым именем (Том Цимилаху) как о главном министре Тоакафо, правителя «королевства» сакалава Буйны – Длинного Дика из повести о Плантейне. Спустя год он, местный вождь в Антигульской бухте, приходит на помощь терпящим кораблекрушение европейцам с Реюньона; однако позже, в 1722 году, мы имеем свидетельства и Гийома Лежантиля, который заявляет, что Рацимилаху – король всего северо-востока, и Климента Даунинга, перед которым он притворяется всего лишь командиром войска самопровозглашенного пиратского правителя в Рантабе. Через одиннадцать лет у иных наблюдателей-французов сложилось впечатление, что он был просто один среди многих вождей в этом регионе. Кто-то, наконец, обоснованно утверждает, что он – «король» всего восточного берега.

Конечно, кто-то из наблюдателей просто заблуждался; однако также ясно, что иногда сами их собеседники – и малагасийцы, и европейцы – изо всех сил старались помочь им оставаться в заблуждении. Так, в 1733 году, Жозеф-Франсуа Шарпантье де Коссиньи, инженер на службе у французской Ост-Индской компании, познакомился в представительстве компании в Антунгильской бухте с неким «королем Болдриджем»: по-видимому, сыном знаменитого короля пиратов из Сент-Мари. Болдридж утверждал, что в регионе существуют еще два короля: Таме Цималау и неизвестный иным источникам де ля Рей. Коссиньи отмечал, что по сравнению с Болдриджем, который был рубахой-парнем, Рацимилаху показался ему человеком с тяжелым и неприятным характером.

Что же было на самом деле? Правда ли, что Рацимилаху действительно лишь контролировал часть этой особой территории? Или Болдридж просто напускал на себя важность, а Рацимилаху раздражался в ответ на его притязания? (И был ли тот Болдридж взаправду потомком Адама Болдриджа? Или, в свою очередь, тоже лгал?)

Трудно сказать что-либо наверняка; по крайней мере, мы очевидно имеем дело с кардинально иным понятием о верховной власти, чем всё, что нам известно из опыта Евразии того времени. Голова губернатора провинции времен Генриха VIII или Сулеймана Великолепного, который отважился бы на такое, незамедлительно оказалась бы на блюде [50]. Я подозреваю, что единственной причиной неопределенности всех обсуждаемых вопросов было то, что ни одно из этих королевств не имело широкой социальной базы – то есть чего-то сверх возможности поставить во фронт пару сотен или же, в исключительном случае, возможно – пару тысяч воинов. Представляется, что, если не считать правителей сакалава на западе, которые преобразовывали местный ландшафт – сводили леса, превращали поля в пастбища для своих огромных стад скота – и таким образом полностью перестраивали социальные отношения своих подданных, малагасийские «короли» этого периода по большей части существовали в своеобразном грабительском пузыре: у них было много великолепия и пышности, однако недоставало реальной возможности систематически вмешиваться в повседневную жизнь тех, кого они объявляли своими подданными.

Разумеется, в мире с давних времен было довольно жалких правителей-бандитов с грандиозными притязаниями, но из-за специфической ситуации на северо-востоке Мадагаскара в семнадцатом и восемнадцатом столетиях играть в эти игры было особенно легко. Наличие у пиратов огромных запасов добычи предоставляло этим людям возможность сохранять все внешние атрибуты королевского двора – золото и драгоценные камни, гаремы, синхронные танцы, – несмотря на решительное отсутствие инструментов для мобилизации человеческого труда в сколь бы то ни было значительном количестве за пределами своих поселений. Короли Имерины или сакалава, например, в своем королевстве могли призвать представителей от каждого рода на постройку домов и гробниц или для участия в королевских церемониях. Между тем нет оснований полагать, что будто нечто подобное могли позволить себе Болдридж, Норт, Плантейн, Бенёвский или Рацимилаху или что кто-то из них пытался это сделать. Определенно отсутствуют свидетельства и того, что даже на пике своей власти Рацимилаху правил тем, что хотя бы отдаленно походило на государство.

Существует, однако, принципиальное различие между Рацимилаху и остальными. Возникновение Конфедерации бецимисарака оказало глубочайшее влияние на людей тех мест – однако импульс действовал в противоположном направлении в сравнении с тем влиянием, какое оказало бы возникновение нового королевства. Когда пираты в конце семнадцатого века прибыли на Мадагаскар, они столкнулись с обществом, раздираемым постоянными внутренними конфликтами, обществом, в котором власть принадлежала своеобразной касте жрецов и зарождающейся военной элите, в которой уже начала складываться иерархическая система рангов. Общество сохраняло общинные элементы, но назвать его эгалитарным было никак нельзя. При Рацимилаху, напротив, общество, по-видимому, стало во многих отношениях более эгалитаристским, чем прежде.

Прибытие пиратов запустило цепную реакцию – во-первых, утверждение в торговле позиций малагасийских женщин, затем политической реакции на это со стороны молодых людей, для которых Рацимилаху стал по сути номинальным лидером, создавшим общество бецимисарака таким, каким оно остается и сегодня.

Давайте взглянем на всё это глазами малагасийцев.

Версия #1

Зверобой создал 9 февраля 2026 00:15:16

Зверобой обновил 9 февраля 2026 00:17:03